

Видя, что Цзян Хуай молчит, Бо Цзянь снова заговорил:

— Хватит колоть тип «С», от него нет никакой пользы. — Его голос зазвучал мягче: — Если ты не хочешь, чтобы кто-то знал, что ты Омега, ничего страшного. Я просто буду оставлять тебе метку.

Цзян Хуай поджал и сжал пальцы. Спустя долгое время он вдруг произнес:

— В седьмом классе во время медосмотра делают тест на вторичный пол.

Бо Цзянь не понимал, почему Цзян Хуай внезапно об этом заговорил, и лишь тихо откликнулся:

— Угу.

Зажиточные и требовательные семьи, желавшие узнать всё пораньше, могли отправить ребенка в клинику на генетический анализ еще до наступления пубертата. Но большинству школьников тест на концентрацию феромонов проводили централизованно в первом классе средней школы.

Альфа оставался Альфой, Омега — Омегой, а те, у кого ничего не находили, становились Бетами или пока не дифференцировались.

Цзян Хуай говорил об этом так, словно пересказывал самую обыденную вещь, и лицо его оставалось совершенно спокойным:

— За день до школьного медосмотра я сам сходил в больницу. Во второй половине дня пришел результат: я Омега.

Он ненадолго умолк и продолжил:

— До этого анализа я всегда думал, что я Альфа... ну или на худший конец Бета. Омegi составляют всего десятую часть населения, с чего бы этому выпасть мне?

Бо Цзянь мягко коснулся его волос:

— Цзян Хуай, ты вовсе не «на худший конец»...

— Я не дискриминирую Омег, — уголок губ Цзян Хуая слегка дернулся. — Я просто не хотел сам быть Омегой... У меня есть дела.

Цзян Ли была Омегой, Цзян Синсин — Омегой. Значит, он сам Омегой быть не мог.

Цзян Хуай не стал вдаваться в подробности, а лишь добавил:

— Мой друг детства — Альфа. Ему сделали генетический тест сразу после рождения.

Бо Цзянь опустил глаза:

— И ты подменил образцы крови на его?

Мать Цинь Юйхэ работала врачом в той самой больнице, куда школьников отправляли на медосмотр, а отец был главным врачом. Цинь Юйхэ с малых лет рос в медицинских коридорах и знал всех врачей и медсестер до единого. Поменять образцы крови для него не составило

никакого труда.

Семья Цинь Юйхэ была очень обеспеченной. Если бы Цзян Хуай в первый же день первого класса начальной школы не подобрал у дверей кабинета визжащего маленького Циня, заграждавшего дорогу, то они бы, наверное, и не сдружились.

Цзян Хуай издал ленивое «угу»:

— Он помог мне заменить мою кровь своей. Он стал первым, кто узнал, что я Омега. До тебя — единственным.

Пальцы Бо Цзяня сжались чуть сильнее.

Цзян Хуай поднял глаза, и на его лице мелькнула улыбка, в которой не было ни капли веселья:

— Потому что моя мама тоже не знает... А отца у меня нет.

Когда он учился в седьмом классе, Цзян Ли как раз уехала работать за границу.

К тому моменту, как пришли результаты школьного медосмотра, Цзян Ли уже была в другой стране. Она позвонила Цзян Хуаю узнать, как дела... И Цзян Хуай отправил ей бланк с результатом крови Цинь Юйхэ, на котором стояло его собственное имя.

Он спросил вполголоса, словно обращался к самому себе:

— Если не колоть подавители, то что же получается? Теперь триста шестьдесят пять дней в году, каждую неделю приходить к тебе, чтобы ты меня кусал?

Бо Цзянь никогда не слышал, чтобы Цзян Хуай рассказывал о своей семье. Цзян Хуай не заводил об этом речь, а Бо Цзянь не расспрашивал.

Но он догадывался, что в доме Цзян Хуая живут только Цзян Хуай и Цзян Синсин: у порога стояли всего две пары тапочек, и жилых комнат было лишь две. Когда он пришел к нему тогда, в холодильнике, помимо нескольких полок с напитками, лежало лишь два жалких стебелька кориандра.

— А почему нет? — спросил Бо Цзянь.

Он опустил взгляд на Цзян Хуая:

— Я твой парень.

Цзян Хуай замер и спустя пару секунд тихо переспросил:

— Парень?

— Угу.

Цзян Хуай взял со стола Бо Цзяня ручку, сжал её в руке и с совершенно бесстрастным лицом произнес:

— Но в году пятьдесят две недели.

— Угу.

— Ты собираешься кусать меня каждую неделю? — спросил Цзян Хуай.

Бо Цзянь отозвался:

— А разве нельзя?

Только-только вступая в период метки, Цзян Хуай думал о куче всяких мутных и довольно непристойных вещей. Бо Цзянь заметил, как у него покраснели уши:

— Если ты меня укусишь, у меня начнется период метки.

Триста шестьдесят пять дней в году, пятьдесят две недели — непрерывный период метки на весь год.

Маленький Цзян всё посчитал и решил, что это никуда не годится.

Слово автору:

Председатель: В году 52 недели и один лишний день. Оставлю этот день тебе на выходной
●°v°●

Декабрь уже остался позади. Дневная температура заметно упала, при выдохе изо рта вырывался белый пар. В школе включили центральное отопление, и стеклянные окна покрылись мутной пеленой холодного конденсата.

В среду объявляли результаты промежуточных экзаменов.

Когда старина Линь вошел в класс, в кабинете царило небывалое оживление.

Это был первый общегородской объединенный экзамен после разделения на гуманитарные и естественно-научные классы в одиннадцатом классе. Многие ученики ждали его как великое испытание, поэтому при виде старины Линя у каждого внутри ёкнуло сердце.

Еще со вчерашнего дня самые осведомленные ученики, часто бегавшие по учительским кабинетам, приносили слухи разной степени достоверности: мол, физика в этот раз была сложнейшей, во всем параллельном потоке всего два стобалльника, а высший балл по английскому в их классе — 148... Подобным сплетням не было конца.

Перед самым началом первого урока — а это была вовсе не математика — старина Линь вошел, окинул класс взглядом и не стал долго тянуть:

— Результаты промежуточных экзаменов готовы... Сюй Вэньян, подойди. После утренней самоподготовки выведи ведомость на стенд в передней части класса... На перемене сами посмотрите свои баллы, а подробный разбор сделаем во второй половине дня на классном часе.

Выражение лица старины Линя было вполне нормальным.

Ученики подумали: «Кажется, сдали более-менее неплохо».

Сюй Вэньян откликнулся, поднялся с места и забрал ведомость... Прежде чем вернуться за парту, он мельком глянул на листок. С тихим вдохом он удивленно пригнулся и бросил взгляд на задние ряды.

Едва прозвенел звонок с утренней самоподготовки, ученики толпой хлынули к информационному стенду у передней двери.

Цзян Хуай цыкнул, оперся о край заднего стола, одной рукой открутил крышку бутылки с минералкой и не торопясь сделал несколько глотков... Однако его взгляд тоже прилип к стенду в самом начале класса.

Он услышал за спиной голос с легкой смешинкой:

— Не пойдешь посмотреть?

Цзян Хуай опустил бутылку, не оборачиваясь и не выражая никаких эмоций:

— Ответы уже раздали, я и так знаю, сколько набрал.

— И сколько же? — снова спросил сидящий сзади.

— Четыреста... — Цзян Хуай ненадолго запнулся. — До пятисот не дотянул.

Цзян Хуаю даже не пришлось снисходить до того, чтобы толкаться в толпе: верный друг уже всё ему прислал.

Телефон в парте дважды вибрировал.

Цзян Хуай достал его и увидел два сообщения от Вэй Хэпина.

Первое — четкая фотография ведомости с результатами: от первого места до самого последнего, всё видно предельно ясно и понятно.

Второе:

ПоднимитеМеняПотусить: [смеющийся смайлик][смеющийся смайлик][смеющийся смайлик]

В понедельник и вторник сначала раздали ответы на экзамен, и Цзян Хуай сам сверял задание за заданием. По его подсчетам, выходило где-то между 460 и 480 баллами... Разница в двадцать баллов зависела от того, понравится ли проверяющим его размашистый почерк в сочинении.

Судя по всему, не понравился.

Цзян Хуай набрал ровно по нижней границе — 460.

На прошлом пробном экзамене у него было триста с лишним баллов, тринадцатая сотня в рейтинге параллели.

В этот раз — четыреста шестьдесят и 1100-е место.

Это место в параллели примерно соответствовало ожиданиям Цзян Хуая... Если бы он не набрал хотя бы четыреста шестьдесят, то гарантированно не попал бы в первую тысячу.

Всего на параллели училось чуть меньше тысячи шестисот человек, так что попадание в первую тысячу особенной ценности не имело... Но даже при отсутствии ценности для такого «социально незащищенного» ученика с низкими баллами, как Цзян Хуай, это был огромный рубеж.

Цзян Хуай стал считать снизу ведомости... Двенадцатое место с конца.

На этот раз, когда Цзян Хуай поднялся выше, на самом дне оказался Чжао Тяньцин с общим результатом в 176 баллов, из которых по математике было всего 8.

Цзян Хуай пролистал вверх.

Дойдя до самой верхней строчки, его палец замер.

0001, Бо Цзянь, 741, 01, 0001.

Это означало последовательно: номер ученика, имя, общий балл, место в классе, место в параллели.

Пока Цзян Хуай с огромным трудом выбивал свои 460 баллов, он и думать не думал, что баллы председателя Бо могут выглядеть насколько охренительно поразительно.

Семьсот сорок с лишним... С таким результатом он наверняка первый в городе.

Если он и на гаокао наберет под семьсот сорок, то станет лучшим абитуриентом всей провинции.

Во всех шести предметах у него сняли всего девять баллов — в среднем по полтора балла на предмет.

В то время как у самого Цзян Хуая сняли двести девяносто баллов... Только на одном оформлении сочинения он, похоже, потерял баллов двадцать.

Сложенные вместе баллы Цзян Хуая по физике и химии не дотягивали даже до одной математической работы Бо Цзяня. У Цзян Хуая было пятьдесят по физике и восемьдесят по химии, а у Бо Цзяня по математике — сто пятьдесят.

С абсолютно каменным лицом Цзян Хуай удалил историю переписки с Вэй Хэпином.

<http://bllate.org/book/18377/1766622>